Наталия Ковальчук, к.и.н

Кафедра мировой истории нового и новейшего времени

Гуманитарный факультет

Украинский Католический Университет (Львов, Украина)

nkoval@ucu.edu.ua

Германский “внутренний” колониализм и его идеологические источники.

Доклад является попыткой рассмотреть политику Германской империи относительно польского населения на рубеже 19-20 веков с точки зрения теории «внутреннего колониализма». Провозглашение империи определило границы новой Германии а также изменило лицо региона. Германская империя презентовала себя как национальное государство, а этот проект предусматривал языковую и культурную гомогенность территории. Однако, государство включало национальные меньшинства, особенно вдоль границ. Великопольша, Померания, Силезия были населены преимущественно поляками. Из этого следует, что политика относительно польского населения была не просто вопросом безопасности границ государства – она прямо касалась его идентичности. В это время в немецкой культуре можна было наблюдать разные взгляды относительно Востока, в академических, политических, общественных кругах продолжались дисскуссии о том, какими являються признаки немецкой идентичности и что на самом деле означает быть немцем. Конфликт между желанием удержать и присвоить польские территории (отошедшие к Пруссии в результате разделов Речи Посполитой в конце 18 века) и планами создания этнически гомогенного немецкого государства породили, в частности, дискурс немецкого превосходства и поляков как «низшей расы».

В международной политике 90е годы ознаменовались колониальной экспансией и борьбой за сферы влияния между великими державами. Политическая унификация Германии, ее экономические успехи повлекли за собой идею европейского господства и международного признания статуса великой державы. Германия, однако, была готова к борьбе за колонии в тот момент, когда внешние возможности уже были в основном утеряны. В связи с этими причинами немецкие экспансионистские настроения концентрировались вокруг Востока и восточных границ империи и предусматривали реализацию миссионерской роли защитника ценностей западной культуры. Академические, политические и литературные деятели сыграли заметную роль в формировании научных основ и общественной поддержки немецкого «внутреннего колониализма».

Natalia Kovalchuk, Cand. of Historical Sciences

Department of Modern and Contemporary History

Faculty of Humanities

Ukrainian Catholic University

Lviv, Ukraine

nkoval@ucu.edu.ua

GERMAN "INNER COLLONIALISM" AND ITS IDEOLOGICAL SOURSES

Current presentation aims to consider German policies towards former Polish provinces at the end of the XIX – beginning of the XX Century as an expression of "inner colonialism". The declaration of the Empire in 1871 defined the borders of the new Germany and changed the face of the region. The newly proclaimed state presented itself as a national one and aimed to achieve language and cultural homogeneity. However, it included significant groups of national minorities, especially along the borders. Great Poland, Pomerania, Silesia were inhabited mainly by Polish population. Consequently, the Polish policy was not only concerned with the issue of border security, it had something to do with the identity of the country.

At that time one could observe in German culture different attitudes towards the "East". Academic, political, social circles discussed the particular features of German identity and the real meaning of being German. The conflict between the desire to maintain the Polish territories (attached to Prussia as a result of the partitions of Poland in the late 18th century), and plans to create ethnically homogeneous German state gave rise, in particular, to the discourse of German superiority in which the Poles were perceived as an "inferior race."

In the international politics, the 90s were marked by colonial expansion and the struggle for influence between the great powers. The political unification of Germany, as well as its economic success resulted in the idea of European domination and the international recognition of the status of a great power. Germany, however, was ready to compete for colonies when the possibilities for external expansion have been largely lost. Due to these reasons the German expansionist mood centered around the East and the eastern borders of the empire, which provided opportunities for the implementation of the missionary role of the defender of the values of Western culture. Academics, as well as political leaders played significant role in shaping the foundations and public support of German "inner colonialism".

УДК 94(430)"1871/1918"

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Германский “внутренний” колониализм и его идеологические источники.

Доклад является попыткой рассмотреть политику Германской империи относительно польского населения на рубеже 19-20 веков с точки зрения теории так называемого «внутреннего колониализма». [8] Провозглашение империи в 1871 г. определило границы новой Германии а также изменило лицо региона. Во времена Бисмарка страна стала «двигателем Европы», ее экономический и военный потенциал, уровень науки и технологий, система управления и образования были одними из самих передовых. В то же время Германия была важным европейским игроком, она играла решающую роль и в сохранении, и в последующем разрушении баланса сил и влияний в Европе [5, с.1].

Процессы развития и модернизации были в первую очередь выгодны буржуазии, финансовому среднему классу. Роль этой прослойки общества значительно выросла в последние десятилетия 19 века. В то же время, землевладельцы приграничного региона Восточной Эльбы тяжело пережили экономическую депрессию 70х-90х годов и вышли из нее обремененные долгами. Несмотря на государственную поддержку, доходы юнкеров росли медленно, они теряли экономическое господство в пользу промышленного класса [4, с. 160-161]. Рост промышленности и городов сопровождался миграцией рабочей силы и управленцев в южном и западном направлении (так называемый *Ostflucht*). Демографические изменения привели к тому, что традиционная опора Пруссии: усадебное сельское хозяйство, функционировавшее за счет оседлых крестьян и зависимое от государственных заказов, стало разрушаться. Одновременно формировалось современное урбанизированное общество – но на политическом уровне все еще доминировала старая прусская аристократия. Одним из основных вопросов имперской и прусской политики 90х годов было – сохранится ли это доминирование в дальнейшем [4, с. 161].

Восточные территории Германии (отошедшие к Пруссии в результате разделов Речи Посполитой в конце 18 века) а также Померания и Силезия были населены преимущественно поляками. Польско-немецкая граница многократно менялась в разных направлениях, население общалось, сотрудничало и враждовало на протяжении веков, поэтому новые территории не были для Пруссии, а позже Германии чем то новым и неизведанным. Однако до середины 19 века колониальные мотивы не формировали отношение немцев к восточным соседям. Польские территории начали восприниматься в колониальном свете не раньше середины 19 века и основным мотивом этого изменения было развитие немецкого национализма и формирование проекта национального немецкого государства. Проблема была артикулирована еще на заседаниях Франкфуртского парламента и стала особенно острой после 1871 года. В Пруссии на этот момент каждый десятый гражданин говорил на польском языке. В провинции Познань на 500 тыс немцев и евреев приходилось 800 тыс поляков [8, с. 17]. Германская империя строилась как национальное государство, а этот проект предусматривал языковую и культурную гомогенность территории [10, с.98]. Провозглашение империи повлекло за собой не только геополитические, но

и идеологические последствия – изменилась «ментальная карта» Германии – Австрия осталась за пределами этой реальной и воображаемой территории. В то же время, государство включало национальные меньшинства, особенно вдоль границ. В академических, политических, общественных кругах продолжались дисскуссии о том, какими являються признаки немецкой идентичности и что на самом деле означает быть немцем. Конфликт между желанием удержать и присвоить польские территории и планами создания этнически гомогенного немецкого государства породили, в частности, дискурс немецкого превосходства и вигляд на поляков как «низшую расу» [7, 18].

В международной политике 90е годы ознаменовались колониальной экспансией и борьбой за сферы влияния между великими державами. Политическая унификация Германии, экономические успехи повлекли за собой идею европейского господства и международного признания статуса великой державы. Германия, однако, была готова к борьбе за колонии в тот момент, когда внешние возможности уже были в основном утеряны [7, с. 1-3]. Поэтому немецкие экспансионистские настроения концентрировались вокруг восточных областей империи и предполагали реализацию здесь миссионерской роли защитника ценностей западной культуры. Академические (нпр. М. Вебер,) и литературные (нпр. Г. Фрайтаг) деятели сыграли заметную роль в формировании научных основ и общественной поддержки немецкого империализма [6, с.167; 12, с.83-136].

Восточные районы Германии были населены в основном небогатым и этнически смешанным крестьянским населением. По причине постоянного оттока немцев на юг и запад, эмиграции за океан, а также болем высокого уровня рождаемости среди поляков, часть последних относительно немецкого населения постоянно росла. Также каждый год наблюдался приток сезонной рабочей силы, от которой зависели юнкерские хозяйства [10, с. 99]. Немецкие националистические круги рассматривали данню ситуацию как опасную для будущого нации и реагировали разработкой разного рода сценариев «внутренней колонизации». Они, как правило, предусматривали переселение немецких крестьян на восточные территории с целью создания барьера против «славянского потопа». Такая политика считалась многими необходимой, несмотря на ее экономическую невигоду [12, с. 83-88].

Социальные проблемы восточных провинций широко дискутировались в академических и политических кругах. Начиная с 1872 г в Германии действовал Союз социальной политики, который обьединял учених экономистов, социологов и ставил своей целью изучение социальных и экономических проблем. Характерную позицию занимал многолетний член Общества и один из наиболее влиятельных немецких интеллектуалов эпохи Макс Вебер. В 1893 году, выступая на одном из заседаний Общества с докладом по поводу ситуации в крупних сельських хозяйствах к востоку от Эльбы, Вебер озвучил не столько свое видение экономических причин проблем (отставания) региона, но и собственный взгляд на интересы государства и способы их защиты [11, с. 26]. По его мнению, социально-экономические изменения приводили к тому, что «высшая цивилизация» немцев пребывала под угрозой вытеснения пришельцами из «варварского» Востока. Ученый предлагал остановить приток польских и русских сезонных работников в восточные немецкие провинции и таким образом защитить немецкие рубежи и немецкую

культуру. Вебер постулировал идею немецкого культурного превосходства и подчеркивал необходимость поддерживать это превосходство экономическими и политическими методами, дабы «культурный труд» не разрушался из-за «постоянных нападений кочевников» [11, с. 26]

Позже эти же выводы прозвучали в знаменитой инавгурационной лекции, прочитанной в университете Фрайбурга в 1894 г. Доклад вмещал детальный социо-экономический анализ процессов, происходящих на востоке страны, но не ограничивался им. Вебер отметил основную тенденцию того времени – изменение структуры рабочей силы в пользу поденных работников, приходящих из польских районов Российской империи. Ученый описывал территорию к востоку от Эльбы как арену постоянной борьбы национальностей, в которой психологические расовые характеристики определяют разные навыки адаптации к изменяющимся экономическим и социальным условиям жизни [14, с. 5]. Ради будущего государства Вебер рекомендовал закрыть восточную границу и поощрять выкуп земель немецкими крестьянами, чтобы не допустить победы «низшей расы» на этих территориях [14, с. 14].

Откровенно предубежденное отношение к национальным меньшинствам со стороны одного из наиболее рациональных мыслителей современности невольно обращает на себя внимание. Однако в то время такая позиция выражала господствующий дискурс, который многократно озвучивался в выступлениях ведущих интеллектуалов. Выступления Вебера, посвященные ситуации в районе Восточной Эльбы являются яркой иллюстрацией того, как немецкая интеллектуальная элита воспринимала Польшу и поляков неспособными соответствовать стандартам современного западного общества. Восточную границу воспринимали и описывали как рубеж между развитым и эффективным Западом с одной стороны и отсталым иррациональным Востоком с другой. Идеологической основой таких взглядов был расизм как интеллектуальное течение. Имплицитно «научный» расизм присутствовал в идеях Просвещения и стал очень популярным в 19 веке, когда коллониальные завоевания требовали идеологического обоснования власти над неевропейскими народами. В германском случае расовый вопрос становился актуальным в «домашнем» контексте, в частности в приграничних районах [10, с. 114].

Еще Бисмарк в своїй внутренней политике пытался мобилизовать немцев против «врагов государства». Кампания, известная как «Культуркампф» (1873-1887) также была направлена против институций Католической церкви. Новое законодательство ограничило влияние церкви на образование, вытеснило орден Иезуитов, запретило политическую агитацию с церковной кафедры. Со временем кампания потерпела поражение, поскольку католики, под влиянием свого положення «крепости в осаде» смогли мобилизоваться и создать нове жизнеспособные структуры. Культуркампф имела очевидный «восточный» аспект – сам Бисмарк в воспоминаниях свидетельствовал, что его мотивация имела в виду в первую очередь поляков-католиков в приграничних районах империи. Сочетание в подданых ненемецкого происхождения и католицизма представлялось ему особенно опасным.

В 1886 году прусский парламент принял программу размещения немецких фермеров на востоке и основал для ее реализации Королевскую переселенческую комиссию. Комиссия опиралась на опит США, но ее цель, - колонизация уже заселенной территории, была скорее

политической. Ситуацию на рубеже веков часто описывают термином «экономическая война» [10, с. 104]. Период либеральной политики канцлера Каприви, последовавший после отставки Бисмарка, вызвал недовольство в консервативных кругах и спровоцировал основание нескольких пропагандистских организаций. Особенно важным событием было основание Пангерманской Лиги в 1891 г. [9] Целью было обьединение немцев, борьба за лидерство Германии в Центральной Европе, содействие статусу Рейха как великой державы. Лига обьединяла влиятельных чиновников, известных ученых и деятелей культуры (в тч. М. Вебера, названного выше). Идеологической основой деятельности Лиги был социальный дарвинизм, идея единения нации перед будущими столкновениями между нациями [10, с. 116] Лидеры призывали защитить Германию от «славянского потопа» и возродить давнюю традицию «движения на Восток» - по словам лидера Лиги, Гейнриха Класса, это было «самое величественное дело средневековой истории». [10, с. 117]

Часть познаньских консерваторов считала, что дело защиты восточных рубежей требовало создания особой организации. Она была основана в 1894 году как Немецкое общество восточных рубежей (позже – Общество Восточной марки). Организация обьединяла образованных представителей среднего класса, землевладельцев и промышленников. Учасники были заинтересованы в сохранении немецкого характера завоеванных территорий: «эта земля была завоевана для германской нации мечем и плугом, орошена немецким потом и кровью … Поэтому мы здесь хозяева» [4, с. 271] Общество пользовалось широкой поддержкой в академических кругах, публиковало журнал Die Ostmark, с которым активно сотрудничали Макс Вебер, Гейнрих фон Трайчке, Густав Шмоллер, Адольф Вагнер и др. [4, с. 269]

Еще один подход к проблеме был в некоторой мере связан с реальной ивоображаемой географией. Вторая половина 19 века была Золотым веком географии, а доминировали в этой науке немецкие ученые. Фридрих Ратцель предложил две важные концепции, которые стали особенно влиятельными после проникновения в разговорную речь. Речь идет о понятиях «Немецкий культурный ландшафт» (Kulturlandschaft) і «Жизненное пространство» (Lebensraum). По мне нию ученого, люди имеют возможность влиять на ландшафт таким образом, чтобы формировать в нем особые, культурно обусловленные черты. Право на землю и территории может основываться на культурной традиции, а не современных политических границах. Второй концепт относится к восприятию государств как живих организмов. Экспансия и завоевание жизненного пространства в этой концепции являлись чертами здорового государства. [10]

Европейский Восток в немецкой общественной мысли был не не только вектором политики, но и ментальным конструктом, даже мифом. Как предположил Ларри Вульф, сама концепция Восточной Европы была изобретением европейских интеллектуалов, которые зображали ее как свою комплиментарную «другую часть». [2] В данной дихотомии Восточная Европа зображала отсталость или даже варварство. По мнению некоторых исследователей, эта гипотеза является особенно продуктивной для изучения позиции немецких интеллектуалов. [13] В. Виперманн, например, утверждает что с понятим Востока был традиционно связан набор

стереотипов и образов (в терминологии атора – «геостереотипов»). С одной стороны, Восток воспринимался как сфера хаоса, дезорганизации и грязи, с другой – как земля неограниченных возможностей, открытых для немецкой нации.[15] В этой традиции понятие «культуры» было одним из ключевых, рассматривалось как дар, при сущий германской нации и прямая противоположность восточному варварству. [10, с. 5] Таким образом, германсикй «миф Востока» можна рассматривать в широком культурном контексте как один из вариантов ми фронтира идеологии цивилизационной миссии, характерной для многих колониальных пректов на рубеже 19-20 веков.

1. *Бисмарк О*. Мысли и воспоминания / Пер. з нем. проф. Л.С. Ерусалимский. Т. II. Москва: ОГИЗ. СОЦЭКГИЗ, 1940. 278 с.
2. *Вулф Л*. *Винайдення Східної Европи: Мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва*. Київ: Критика, 2009. 591 с.
3. *Anderson B*. Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. London: Verso, 1991. 224 p.
4. *Hagen W.W*. German, Poles, and Jews: The Nationality Conflict in the Prussian East, 1772-1914. The University of Chicago Press, 1980. 424 p.
5. Imperial Germany 1871-1918 / The Short Oxford History of Germany / ed. J. Retallak. Oxford University Press 2008, 328 p.
6. *Johnson L.R*. Central Europe: Enemies, Neighbors, Friends. Oxford University Press, 1996. 351 p.
7. *Kopp K.L*. Contesting Borders: German Colonial Discourse and the Polish Eastern Territories. University of California Press, 2001. 618 p.
8. Germans, Poland, Colonial expansion to the East: 1850 Through the Present / ed. R. L. Nelson. Palgrave Macmillan, 2009. 212 p.
9. *Kruck A*. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939. Wiesbaden: Franz Steiner , 1954. 258 p.
10. *Liulevicius V.G*. The German Myth of the East: 1800 to the Present. Oxford University Press, 2008. 292 p.
11. *Mayer J.P*. Max Weber and German politics. Routledge, 1944. 160 p.
12. Meyer H.C. Mitteleuropa in German Thought and Action 1815-1945. The Hague: Martinus Nijhoff, 1955. 378 p.
13. *Mühle E*. The European East on the Mental Map of German Ostforschung // ed. E. Mühle. Germany and the European East in the Twentieth Century. Oxford and New York: Berg, 2003. P. 107-130
14. *Weber M*. Weber: Political writings // Cambridge Texts in History of Political Thought / eds. P. Lassman, R. Speirs. Cambridge University Press, 1994. 390 p.
15. Wippermann W. *Die Deutschen und der Osten. Feindbild und Traumland*. Darmstadt: Primus, 2007. 160 p.